

ПРОБЛЕМЫ КОЛЛАБОРАЦИОНАЛИЗМА И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ВО ФРАНЦИИ НА ПРИМЕРЕ СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА НАД МОРИСОМ ПАПОНОМ

Аннотация.

Актуальность и цели. Появившись уже после окончания Второй мировой войны, тенденции позитивно высказываться о коллаборационистах с нацистами вошли в историографию и общественно-политическую риторику многих стран. В конце XX – начале XXI в. тезисы, связанные с оправданием коллаборационизма, во многих странах стали частью исторического контента, транслируемого официальными властями, иногда – частью государственного законодательства или открытым мнением отдельных политиков или политических партий. Основанием для подобных рассуждений служит в основном утверждение о невозможности однозначно оценивать такое сложное явление. На примере судебного процесса над высокопоставленным французским чиновником, его последствий а также реакции на это дело со стороны общественности и экспертов мы покажем, как во Франции решались сложные вопросы, связанные с исторической памятью и необходимостью применения международного законодательства.

Материалы и методы. Данная статья основана на научных и научно-популярных публикациях о процессе над Папоном и связанных с темой научных работах, на опубликованных воспоминаниях, сборниках документов, а также на статьях в прессе и видеозаписях интервью об этом судебном деле. Методологической основой статьи является компаративный анализ источников, раскрывающий значение данного процесса с общественной и политической точек зрения. Также применялся метод историзма для изучения истории юридической практики современной Франции в той степени, в которой на нее повлияло дело Папона.

Результаты. В статье были проанализированы различные взгляды на причины, ход и последствия суда над Морисом Папоном, было рассмотрено его влияние на общественное мнение, а также на изучение истории Холокоста во Франции и периода существования коллаборационистского государства. Были обозначены противоречия во взглядах на действия Франции после Второй мировой войны в международной и внутренней политике, потенциально являющиеся дестабилизирующим фактором в государстве, и реакция на них власти, направленная на предупреждение конфликтных ситуаций. Данную тему можно будет продолжить путем более детального раскрытия других обстоятельств и нюансов хода судебного процесса над Папоном.

Выводы. Табуированность темы, связанной с коллаборационизмом во Франции, стала причиной острой общественной реакции по связанным с ней вопросам и широкого общественного резонанса, вызванного данным процессом. Это же послужило причиной неразвитости практики применения в стране международного законодательства в области преступлений против человечества, несмотря на большое участие Франции в его распространении. Процесс

повлиял на восприятие властью данной темы, способствовал осознанию французами ответственности за темные страницы своей истории, что способствовало формированию во Франции опыта высказывания уважения к различным категориям граждан страны. Отмечается взаимосвязь между событиями дела Папона и увеличением количества научных исследований истории Холокоста во Франции. В статье также рассмотрены проблемы адаптации французского права к международным нормам.

Ключевые слова: преступления против человечества, история Холокоста, коллаборационизм, режим Виши, международное право.

O. E. Orlenko

PROBLEMS OF COLLABORATIONALISM AND INTERNATIONAL LAW IN FRANCE ON THE EXAMPLE OF MAURIS PAPON TRIAL

Abstract.

Background. Having appeared after the end of the Second World War, the tendencies to speak about the collaborators with the Nazis in a positive way have entered both historiography and political rhetoric in many countries. At the end of XX – beginning of XXI centuries the theses related to the justification of the collaboration have become part of the historical content preached by the official authorities in many countries, at times – being part of the state legislation, or simply the opinion of particular politicians or political movements. The basis for this justification is mainly a statement regarding the impossibility to assess such complex phenomenon clearly. At the example of a trial of high-ranking French official, the consequences of it and the reaction to this case from the public and experts, we will show how complex issues related to historical memory and the need for applying the international legislation to it have been solved in France.

Materials and methods. This article is based on scientific and popular science publications and research papers related, published memoirs, as well as on the collections of documents on the process against Papon, and on the articles in media and video recordings of the interviews about this court case. The methodological basis of the article is a comparative analysis of sources which reveals the significance of this process from the social and political point of view. The methodology of historicism has also been used to study the history of the legal practice of modern-day France to the extent at which the country has been influenced by the Papon trial.

Results. The article analyzes various views on the causes, course and consequences of the trial against Maurice Papon, examines its influence on public opinion, as well as on the study of the history of the Holocaust in France and the period of the collaborationist state. The contradictions have been identified in views on the actions of France after the Second World War in both international and domestic policy, which is potentially a destabilizing factor in the state, and the authorities' reaction to them, aimed at preventing conflict situations. This research might also continued by more detailed disclosure of other circumstances and nuances of the trial against Papon.

Conclusions. The taboo on this issue in France has caused sharp public reaction on the issues related to it and a wide public resonance as the main result of this process. This also became the reason for the underdeveloped practice of applying international legislation in the field of crimes against humanity in the country, despite the large participation of France in its spread. The process has influenced the perception of the authorities on this issue, contributed to the awareness of the French re-

sponsibility for the dark pages of its history, which has contributed to the formation of the experience of expressing respect for various categories of citizens in France. The correlation between the events of the Papon case and the interest in the amount of scientific research on the history of the Holocaust in France has also been noted. The article also discusses the issues of the adaptation of French law to international norms.

Keywords: crimes against humanity, the history of the Holocaust, collaborationism, Vichy regime, international law.

19 января 1983 г. по инициативе главного следственного судьи обвинительной камеры города Бордо по обвинению в преступлениях против человечества перед следственным судом предстал один из самых высокопоставленных чиновников Франции Морис Папон. Сделав весьма успешную карьеру на государственной службе, он 9 лет занимал пост префекта, т.е. начальника полиции Парижа (1958–1967), попал в Национальную ассамблею в качестве президента комиссии по финансам, а с 1978 по 1981 г. являлся министром бюджета при президенте Жискаре д’Эстене. Он был осужден 2 апреля 1998 г. Это судебный процесс, один из самых долгих во Франции, интересен по многим причинам. С юридической точки зрения он являлся беспрецедентным для французской практики. Историки же на его примере видят, как в этой связи рождается или возникает вновь, переосмысливается и обсуждается целый ряд важнейших вопросов, касающихся не только прошлого Французской Республики, но и современного состояния соответствующего научного нарратива и общественного мнения. Это дело имело важные последствия как для французской юриспруденции, так и для международного права, не говоря уже о том, насколько важным оно оказалось в научном и социальном плане. В данной статье мы проанализируем некоторые проблемы, связанные с судебным процессом над Папоном и его последствиями.

Основные обстоятельства этого дела можно изложить весьма кратко. Судебный процесс Мориса Папона связан с его служебной деятельностью при коллаборационистском государстве, называемом «правительство Виши» в период немецкой оккупации Франции во Второй мировой войне. Он служил в префектуре департамента Жиронда (полиция) и возглавлял отдел «по делам евреев». Папона продвигал по службе его непосредственный начальник Морис Сабатье – генеральный секретарь администрации Министерства внутренних дел с марта 1941 г. После того как в мае 1942 г. Сабатье стал префектом региона Бордо, он привел с собой своего протеже Папона, который вступил в должность генерального секретаря префектуры с 1 июня 1942 г. [1–3]. На этом посту Папон оставался до августа 1944 г. Согласно официальному обвинению, а затем окончательному вердикту, за это время он участвовал в организации десяти конвоев, состоящих из евреев, общей численностью 1560 человек, отправленных из города Бордо в пересыльный лагерь Дранси под Парижем. Позднее из Дранси они были перемещены в концлагерь Освенцим, там же и погибли [3, 4]. Папон был осужден на десять лет лишения свободы. Проведя в тюрьме три года, он вышел на свободу 18 сентября 2002 г. по состоянию здоровья. Папон скончался в больнице 17 февраля 2007 г. в возрасте 96 лет вследствие проблем с сердцем. История была бы ничем не примечательна, если бы за ней не скрывались 17 лет борьбы мнений общест-

венных активистов, историков, адвокатов, следователей, журналистов, судей, чиновников и многих других заинтересованных и задействованных в деле лиц.

Несмотря на то что процесс Папона прошел относительно недавно, историки проявили к этим событиям достаточно серьезный интерес. Это объясняется как широким резонансом, который получило это дело, помимо прочего, в научных кругах также и тем фактом, что некоторых историков привлекали к работе досудебного следствия и во время самого суда в качестве экспертов. Обстоятельства и детали этого дела широко обсуждались в обществе, и ученые активно давали комментарии прессе или затрагивали те или иные связанные с ним вопросы в своих работах. Рассмотрим основные публикации, посвященные процессу над Папоном.

Первые работы по делу Папона появились во время досудебного следствия. Их авторы были непосредственными участниками этого процесса. Первая такая работа называлась «Дело Папона» и вышла в 1983 г. [5]. Ее автором был Мишель Слитинский. Занимаясь поиском документов, связанных с депортацией членов его семьи из региона Бордо во время Второй мировой войны, он вместе с историком Мишелем Бержесом обнаружил документы за подписью Мориса Папона, касающиеся организации конвоев с евреями в пересылочный лагерь Дранси под Парижем, откуда они были отправлены в Освенцим. Эти документы он передал в редакцию газеты «Окованная утка» («Le Canard enchaîné»). После этого в выпуске от 6 мая 1981 г. появилась статья журналиста Николя Бримо, раскрывающая эту информацию о служебной деятельности тогдашнего министра бюджета во время немецкой оккупации. Данную публикацию можно назвать неформальным началом процесса Папона. В следующей публикации Слитинский расширил тему и попытался раскрыть роль французской полиции департамента Жиронда в преступлениях нацистов [6]. Источники по делу Папона публиковались неправительственными организациями, в которых состояли истцы, выступившие инициаторами открытия дела, а также представлявшие их адвокаты, в частности Серж Кларсфельд. «Ассоциация семей и друзей жертв вишистской администрации», а также «Ассоциация сыновей и дочерей депортированных евреев Франции» (FFDJF) выпустили несколько сборников архивных материалов по делу Папона [7–10]. Один из адвокатов со стороны истцов, Жерар Буланже, издал в 1994 г. книгу «Морис Папон: французский технократ среди коллаборационистов» [11], в которой он описал так сказать «феномен Папона», который хоть и не принимал непосредственного участия в физических убийствах, но отдавал распоряжения, которые повлекли за собой смерть евреев, а также описал значимость судебного разбирательства в этой ситуации. Еще один адвокат обвинения Арно Кларсфельд подчеркнул в своей книге важность вынесения приговора по этому делу с точки зрения долга справедливости по отношению к жертвам Холокоста во Франции [12]. Сам Морис Папон также выпустил книгу мемуаров с целью предложить свою версию событий [13]. Для данного вида источников в целом характерна предвзятость, не лишены этой особенности и мемуары Папона. В частности, упоминая о своем прошлом в период оккупации, он упускает свою деятельность в префектуре Жиронды и пишет лишь об услугах, оказанных им движению Сопротивления. Все перечисленные публикации были написаны в ходе досудебного расследования по делу Папона, по результатам которого должно было быть принято

решение о согласии или об отказе рассмотрения его судом. В них содержится публикация источников и анализ роли чиновничьего и полицейского коллаборационизма во Франции в период нацистской оккупации.

Данная тема получила развитие в историографии. Подготовка судебного разбирательства по делу Папона, как и сам процесс, стали объектом внимания многих авторов, желавших или высказать мнение по поводу характера собственно судебного разбирательства, или обратиться к одной из сторон [2, 14–17]. Особенностью таких публикаций является то, что они были написаны с целью повлиять на экспертное и, что немаловажно, на общественное мнение, реакция которого иногда играла важную роль в этом деле. Аргументы, на которые авторы делали акценты, варьировались в зависимости от того, находились ли симпатии авторов на стороне обвинителей или ответчика. Особым образом хотелось бы отметить издание речей главного адвоката Папона Жана-Марка Варо, в которой он изложил основные положения защиты обвиняемого [18]¹.

Одной из важнейших отличительных черт процесса Папона был тот факт, что во время слушаний было предоставлено слово выжившим жертвам Холокоста и членам их семей. На этом настаивали адвокаты обвинения, в особенности Арно Кларсфельд. Это имело сильный эмоциональный эффект, но также отразилось и на научных работах исследователей, изучавших преступления нацизма с позиции исторической антропологии. Ряд свидетелей, выступавших на процессе, также опубликовали свои воспоминания, пополнявшие источниковую базу устной истории Холокоста [21–23].

Наконец, дело Папона стало существенным, а иногда и основополагающим элементом для ряда исследователей, посвятивших свои работы анализу феномена коллаборационистского режима Виши во Франции в период нацистской оккупации: анализ юридических аспектов, взгляд с точки зрения истории государственных учреждений, вопросы исторической памяти и др. [24–28]. Сам судебный процесс также стал объектом внимания исследователей – как непосредственно судебные материалы, так и вопросы взаимодействия юриспруденции и исторической памяти во Франции [4, 29–32]. Среди этих публикаций следует назвать вышедшее в формате книги интервью Мориса Папона, взятое у него историком Мишелем Бержесом (одним из тех, кто обнаружил документы, на основе которых в 1981 г. вышла статья, раскрывающая прошлое этого чиновника) [33]. Бержес был против судебного процесса по этому делу и решил произвести его критику с помощью аргументации самого Папона, который, в свою очередь, был заинтересован донести свою точку зрения до аудитории, так как после вынесения приговора он обжаловал решения суда по различным примененным к нему мерам наказания.

Также существует ряд работ, рассматривающих процесс Папона в контексте истории международного права и юридической практики в области

¹ Защита Папона – не единственный случай, когда Варо оказывался на стороне людей, связанных с нацистским оккупационным режимом во время Второй мировой войны. Так, он не раз был адвокатом Жана-Мари ле Пена, одного из основателей и в течение долгого времени политического лидера ультраправой партии «Национальный фронт» («НФ»), с которым водил личную дружбу. Напоминаем, что «НФ» возник на основе неонацистской партии «Новый порядок», в составе которой были в том числе бывшие члены дивизии французской Waffen-SS, один из которых, Пьер Буске, также являлся одним из создателей «НФ» [19, 20].

законодательства против геноцида и преступлений против человечества [34–37].

В заключении краткого обзора зарубежной историографии по процессу над Морисом Папоном хотелось бы отметить, что этот сюжет попал во внимания авторов такого экзотического для российской аудитории направления, как графические романы [16, 38]. Русскоязычная аудитория ассоциирует этот жанр с детской или молодежной литературой развлекательного и фантастического характера. Однако во Франции графические романы находятся на стыке научно-популярной литературы, культуры и искусства. Наличие двух произведений такого плана по данной теме, одно из которых было издано всего год назад, свидетельствует о широком общественном интересе к связанной с ней проблематике.

В российской историографии данный вопрос изучен слабо. Тем не менее существует несколько статей доцента кафедры новой и новейшей истории Московского государственного педагогического университета Александра Николаевича Бурлакова, опубликованных в сборниках статей этого университета «CLIO-SCIENCE: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза» [39, 40]. Это первые в русскоязычной историографии публикации, посвященные процессу над Морисом Папоном. Они довольно объемно и иногда красочно описывают различные обстоятельства, связанные с этим судебным процессом, однако имеют свою специфику.

Во-первых, из текстов очевидна явная симпатия автора к Морису Папону. Статью, в которой речь идет о его карьере, А. Н. Бурлаков начинает эпиграфом о политике как призвании, профессии и чести чиновника, описывая дальше его деятельность при режиме Виши, на Корсике, в Алжире, а также как начальника полиции Парижа и затем – в правительстве Республики. Автор приводит в свидетельства хорошие отзывы немецких оккупационных властей о нем как об исполнительном и умном работнике, настаивая почему-то при этом на том факте, что, работая в префектуре Жиронды во время Второй мировой войны, Папон не проявлял личной инициативы [39, с. 174]. В качестве источника для этой части текста, как и для подтверждения фактов спасения Папоном евреев от депортаций и мусульман во время войны в Алжире, автор использует только лишь издание бесед обвиняемого с историком М. Бержесом, о которых мы упоминали выше. И наоборот, сведения о роли Папона в депортациях, а также в гибели участников демонстрации в Париже против войны в Алжире в октябре 1961 г. он называет происками недоброжелателей и прессы левого толка [39, с. 177, 182, 183]. Бывший министр бюджета, по словам А. Н. Бурлакова, всегда отличался аполитичностью. «Не дай Бог, чтобы чиновник был еще и партийным», – восклицает он¹. Итак, по его мнению, подсудимого погубила его блестящая карьера [39, с. 185].

Во-вторых, бросается в глаза явное негативное отношение автора к обвинителям и их адвокатам. На таком отношении, главным образом, и основаны приводимые им контраргументы. Так, главным мотивом Слитинского

¹ Если под словом «партийный» автор подразумевает принадлежность к политической партии, то в отношении Папона он ошибается. Во всяком случае министром бюджета Папон стал, будучи членом партии «Объединение в поддержку Республики» (RPR), руководство которой критиковало правительство Барра и Жискара д'Эстена [41]. Как минимум в этом случае министр не побоялся оказаться оппозиционером.

автор называет желание привлечь к себе внимание общественности и СМИ, в результате чего после многочисленных попыток он нашел свою «изюминку» – трагедия его семьи. Даже если сначала Слитинский скорбел по отцу, допускает автор, то потом «пагубное воздействие медийной среды, как толкиенское кольцо Саурона, вскоре деформирует его личность...» [40, с. 154]. Одного из адвокатов обвинения, общественного активиста, занимающегося историей Холокоста и преследованием нацистских преступников Сержа Кларсфельда, А. Н. Бурлаков обвинял в том, что тот делает «бизнес на исторической памяти» [40, с. 171]. Адвокатский стиль другого защитника, Арно Кларсфельда, описывает как «агрессивный», базирующийся на «очернении противника», хотя сам же приводит неприглядный психологический портрет А. Кларсфельда, должно быть основанный на глубоком знании его биографии и внутрисемейных отношений, не приводя при этом ссылок на источники такой информации: «С детских лет родители культивировали в нем [в Арно] еврейскую идентичность. Для него прошлое еврейского народа – это трагедия Шоа, за которую должны ответить европейцы, а настоящее и будущее – это государство Израиль» [40, с. 173]. При этом сам Арно «ведет жизнь богатого плейбоя, которая никак не вяжется с трагической историей еврейского народа...» и «политических убеждений у него нет» [40, с. 176]. Самих же истцов и свидетелей, выступавших на суде на стороне обвинения, автор именует «античным хором» [40, с. 182].

Третий момент заключается в приверженности автора к своеобразной теории заговора, согласно которой за самим процессом Папона стояли силы, манипулирующие общественным мнением и политикой. Автор упоминает еврейские организации, влияющие на ход расследования и суда [40, с. 158, 162, 164, 165]. Также он пишет, что дело Папона было призвано повлиять на политику Франции на Ближнем Востоке в результате «израильского теракта» в Ираке, когда был авиаударами разрушен реактор «Таммуз», в результате чего погиб один французский инженер¹. Деятельность Сержа и Беаты Кларсфельд, по мнению автора, оплачивается еврейскими общинами и банками США [40, с. 172].

В целом в статьях А. Н. Бурлакова присутствует много выводов, основанных на личных симпатиях и антипатиях автора и его домыслах, в них приводится крайне небольшое количество ссылок на научные работы и другие публикации, он отдает предпочтение тем источникам, которые подтверждают его мнение, хотя в силу своей специфики они должны подвергаться критическому анализу. Однако у этих статей есть несомненные достоинства. Например, автор наглядно изложил основные этапы изменения французского законодательства, сделанные ввиду несоответствия прецедента дела Папона и имевшейся на то время юридической практики [40, с. 167, 168]. Также важен сам факт введения данной темы в научный оборот в русскоязычной историографии, что послужит сюжетом для развития дискуссии по связанным с ней вопросам.

Другие немногочисленные публикации, упоминающие как самого М. Папона, так и судебный процесс над ним, представляют собой краткие упоминания в работах на смежные темы [42–44].

¹ Вероятно, автор имеет в виду операцию «Опера» в июне 1981 г.

В контексте анализа процесса над Морисом Папоном в данной статье будут рассмотрены возникающие в связи с ним основные вопросы: проблема коллаборационистского государства Виши и его роль в нацистской истребительной политике, тема исторической памяти и, в особенности, памяти о Холокосте во Франции, международное право в области преступлений против человечества и его применение во французской юридической практике. В заключении будут приведены рассуждения на предмет итогов этого процесса и его правовых и общественно-политических последствий.

Независимо от того, какого мнения придерживаться в вопросе о целесообразности суда над бывшим префектом Жиронды, нельзя не согласиться с тем фактом, что спектр высказанных на этот счет соображений отражает глубокие противоречия как в научных кругах, так и в общественно-политическом мнении Франции по поводу режима Виши. Доминирующая точка зрения в послевоенной Франции на режим Виши появилась еще в период освобождения страны от немецкой оккупации. Она заключалась в следующем: создание коллаборационистского государства являлось разрывом с французской государственностью, его существование называется «темными годами», после которых была восстановлена Республика, тогда и продолжилось существование настоящей Франции, сама же Франция ассоциировалась с идеей массового сопротивления нацистскому режиму [45, 46]. После Второй мировой войны в университетских кругах была сформулирована идея об отсутствии феномена французского фашизма как несоответствующего политической традиции этой страны [47, 48]. Тогда же появилась концепция так называемых «хорошей» и «плохой» сторон режима Виши, первая из которых была представлена маршалом Петеном с его идеей о «национальной революции», а вторая – Лавалем, олицетворявшим коллаборационизм с нацистской Германией [48, р. 28, 29; 49]¹. Это отчасти перекликается с представлением о режиме Виши как о «щите», призванном спасти Францию во время опасности, и о де Голле как о «мече», освободившем ее. Такой взгляд окончательно оформился в 1950 г. устами Жильбера Рено, знаменитого «полковника Реми», одного из самых известных деятелей «Свободной Франции», и был подхвачен исследователями [50, 51]. Как мы уже отметили, такая версия оценки государства Виши сосуществовала с представлениями, разделяемыми участниками Сопротивления, о тяжелом репрессивном характере государства Виши. Этим объяснялись, в частности, массовость и жестокость внесудебных расправ над коллаборационистами в период освобождения [52, 53].

Знаковым моментом в дискуссии о режиме Виши явились публикации американского историка Роберта Пэкстона, автора ряда фундаментальных работ по этой теме и одного из самых авторитетных специалистов в данном вопросе [54–56]. Пэкстон поставил вопрос о добровольном характере сотрудничества режима Виши с нацистской Германией, о проявлении французским

¹ Автором этой идеи явился Андрэ Зигфрид. В связи с этим любопытно будет отметить, что он придерживался идеи, согласно которой различные народы обладают общими чертами характера и поведения, зависящими от их этнической принадлежности. Так, по его мнению, французы до сих пор обладают чертами их «галльских предков», а также характеристиками варварских народов, описанных еще Тацитом. В 1943 г. автор развивал идею о формировании западноевропейской цивилизации на основе ее противостояния с Востоком.

правительством инициативы, в частности, в антисемитской политике¹. Данная тема стала активно обсуждаться научным сообществом, а также присутствовала в общественной риторике, поскольку продуцировалась и поддерживалась поколением, для которого эти сюжеты были связаны с их прошлым. Сильное влияние на ее эволюцию оказывало и переосмысление истории Холокоста, а также связанные с этим суды над нацистскими преступниками: процесс над Эйхманом, «Освенцимские процессы» в Германии и др. Существование проблем, связанных с преступлениями прошлого, и необходимости их урегулирования ощущалась как на политическом, так и на социальном уровне. Отчасти с этим связано изменение международного права, направленное в сторону снятия ограничения сроков за преступления против человечества (во Франции соответствующий закон был принят 26 декабря 1964 г.).

Процесс над Морисом Папоном стал одновременно следствием подобного развития, несомненно, гораздо более многообразного и сложного, чем было обрисовано выше, само по себе достойного стать объектом исследования, а также выступил фактором, стимулирующим дискуссию. Говоря о связи суда над Папоном в данном контексте, следует отметить два важных вопроса. Первый – кто был на самом деле обвиняемым на данном процессе? Конкретный человек (бывший министр бюджета) или же историческое прошлое, связанное с периодом существования коллаборационистского государства – понятие ясное с точки зрения памяти, но весьма абстрактное с юридической стороны? Второй вопрос вытекает из первого: насколько предвзятыми были участники разбирательства и насколько предопределенным в этой связи был судебный вердикт? Третий блок вопросов связан с юридическими проблемами, с которыми пришлось иметь дело французскому правосудию в вынесении решения по данному процессу.

Тезис о том, что в лице Папона судили весь режим Виши, использовался одновременно как аргумент и против процесса, и в его пользу. Одна из концепций в защиту обвиняемого была высказана Юбером де Бофором – голлистом, экономистом и банкиром, родившемся и воспитанным в семье героев движения Сопротивления, его отец был главой военного комитета де Голля в 1958 г. В своей книге «Дело Папона: контррасследование» он сравнивает ситуацию этого судебного процесса с делом Дрейфуса, вызвавшим острый социальный конфликт во Франции в конце XIX – начале XX в. Юбер де Бо-

¹ На постсоветском пространстве также существуют работы, авторы которых придерживаются различных взглядов. Есть исследования антисемитской политики и фашистской природы режима Виши [57, 58]. Спектр мнений представлен теми, кто считает режим коллаборационистского французского государства мягким и не имеющим общих черт с фашизмом. В частности, А. Н. Бурлаков также представил статью по данному вопросу в уже упоминавшемся сборнике МГПУ CLIO-SCIENCE. Сам автор считает основным аргументом против тезиса о фашистском характере коллаборационистского режима во Франции «относительно невысокие проценты депортации еврейского населения во Франции по сравнению с некоторыми другими государствами Европы». В других своих публикациях то обстоятельство, что ¾ еврейского населения Франции уцелело после Второй мировой войны автор ставит в заслугу режиму Виши, не упоминая активную роль организаций, католической церкви и частных лиц в спасении французских евреев [39, с. 172; 59]. Последний вопрос достаточно хорошо освещен в историографии [41, 60]. Список организаций, спасавших евреев во Второй мировой войне, также опубликован [61].

фор развил эту мысль в дальнейших своих работах и публичных выступлениях [14, 62]. Его позицию можно резюмировать следующим образом: ситуация во Франции времен оккупации была крайне сложной и тяжелой, ее можно было охарактеризовать как гражданскую войну, это накладывало свою специфику как на отношения между людьми, так и на уровне администрации, судить которую невозможно с применением современных норм морали и современного законодательства. Автор обращается к авторитету де Голля, рассказав в одной из телевизионных передач, посвященной этому судебному разбирательству, о воспоминаниях своего отца, согласно которым генерал де Голль лично видел досье Папона и сказал, что ничего предосудительного в нем не нашел [63]. Здесь интересен тот факт, что все эти события заставляли задуматься над характером режима де Голля, над его связью с государством Виши, ставя во главу угла вопрос о государственном континуитете во Франции до, во время и после Второй мировой войны. Преемственность между французскими правящими элитами, коллаборационистским государством во время оккупации, а также наличие связи на управленческом, кадровом, в каком-то смысле политическом уровнях между правительствами Виши и де Голля стала исследоваться и доказываться некоторыми исследователями отчасти под влиянием обсуждений процесса над Папоном [64, 65]. «Государственными голлистами» называл Папона и его сторонников также один из адвокатов защиты Жерар Буланже [66, р. 118, 119]. Таким образом, значительная часть общественного и экспертного мнения полемизировала с официальной точкой зрения властей на прошлое, связанной с режимом Виши, которую неоднократно высказывал президент Миттеран: коллаборационистское государство не имело ничего общего с Францией с ее республиканскими ценностями, а одним из оснований современной Республики как раз является отказ от государства Виши [26, р. 41, 42]. Данная точка зрения, а также связанная с ней риторика о единстве нации, об общей для всех истории и неизбежности политических мифов переосмыслилась в процессе ее обсуждения и признавалась многими несостоятельной, даже пагубной для правого движения. Раздавались призывы к представителям классического правого движения отказаться от подобной риторики [67].

Были и другие аргументы против суда над Папоном и посредством его – над режимом Виши. Они строились на тезисах в пользу коллаборационистского режима, главным достоинством которого была борьба с коммунизмом, который является самым страшным злом. Такого мнения придерживалась, в частности, газета “L’Identité”, издаваемая партией «Национальный фронт» [68, р. 85]. Один из основателей французского течения отрицателей Холокоста Робер Фориссон считал, что винить в антисемитской политике Виши нужно самих евреев, принимавших в ней участие [68, р. 84].

И наоборот, звучало мнение, что дело Папона имеет положительный эффект, так как с его помощью осуждается авторитарный, склонный к фашизму режим, признается вместе с тем благородным дело сопротивления такому режиму. Например, такой была точка зрения одного из редакторов крупнейшей французской газеты “Le Monde” Жана-Мари Коломбьяна [66, р. 126, 127].

И, несомненно, важнейшим фактором являлось табуирование во Франции темы роли режима Виши в геноциде еврейского народа во время Второй

мировой войны. Предыдущие процессы над Тувье и Барби продемонстрировали потребность общества осудить участников Холокоста с точки зрения духа и буквы закона. Однако результаты их не принесли ожидаемого. Никто из обвиняемых не был осужден за содействие в уничтожении евреев, только за преступления против человечности. Также, поскольку оба процесса велись против конкретных людей, совершивших преступления против конкретных людей, никогда во Франции официально не ставился вопрос о том, как государство может влиять на появление подобного рода преступлений, может ли оно провоцировать или предупреждать их. А ответить на это вопрос было необходимо, поскольку, как мы уже упомянули, он имел важнейшее значение для общества. Степень и глубина участия режима Виши в Холокосте были дискуссионными вопросами. Но как минимум факты антисемитских законов, незаконных арестов, заключений под стражу и депортаций, а также других действий, повлекших за собой в итоге гибель людей, обсуждались в самых разных кругах. Была надежда, что с помощью юриспруденции возможно будет упростить сложную тему Холокоста, выстроить в логическом порядке многообразные источники о ней и превратить ее тем самым из сферы общественной памяти в конкретный предмет рассмотрения, который возможно исследовать и по которому можно выносить решения [35, 69, 70].

Одним из основных источников по истории уничтожения евреев во время Второй мировой войны являются рассказы очевидцев. Предварительное расследование по делу Папона было связано с активным обсуждением обстоятельств трагедии семей обвинителей, а также с усилением внимания к жертвам Шoa – этот термин чаще используется во Франции, чем Холокост. В результате этого процесса были опубликованы и введены в научный оборот многочисленные воспоминания очевидцев тех событий. Отношение к таким источникам, как и к самому судебному процессу, также было связано для многих с желанием найти в этом своего рода средство против бессилия перед прошлым, посредством которого можно было возродить в памяти имена конкретных людей, рассказать не только о том, как они погибли, но и как они жили, и тем самым, не имея возможности противодействовать самой политике уничтожения, помешать осуществлению другой части этого пана: стереть с лица земли сам еврейский народ и память о нем. Рядом исследователей высказывалось мнение, что суд над Папоном стоило начинать уже в том случае, если удастся доказать факт причастности его как человека и должностного лица к гибели хотя бы одной жертвы [71, р. 69–71; 72, р. 116; 73, р. 184; 74, р. 98].

Таким образом, дело над Морисом Папоном выходило за рамки собственно обвинения. Можно ли говорить в связи с этим о предвзятости судей и общества по отношению к обвиняемому? Были ли все фигуранты дела, от которых зависело принятие решений, настроены против Папона, заведомо готовив ему тем самым приговор? Это обвинение основывается на двух аргументах. Первое – это использование информации, раскрывающей роль Папона во время оккупации в депортациях евреев, в политической кампании кандидата в президенты Франции Миттерана. Действительно, сведения о неслучайном характере публикации документов о Папоне 6 мая 1981 г. в «Окованной утке» появлялись неоднократно, в том числе и во время суда, а также обсуждался эффект, вызванный этой статьей (после ее появления около

250 000 голосов было отдано за Миттерана), и в целом методы работы газеты [2, р. 142; 75, р. 282–286; 76].

Второй аргумент – это уже упоминавшиеся обвинения в том, что Папон был выбран в качестве козла отпущения и что настоящие ответственные лица не оказались перед судом. Однако на этот аргумент есть и возражения. Необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство: прежде чем начать суд, необходимо было пройти процедуру досудебного расследования, на основании которой уже будет вынесено решение о целесообразности открытия непосредственно судебного разбирательства. Как мы уже упоминали, дело Папона имеет долгую историю, однако собственно юридические процедуры занимают в ней гораздо меньшее место, чем общественные и экспертные обсуждения. Так, решение о начале расследования было принято спустя более чем полгода после обнародования документов о депортациях евреев за подписью Папона. Очевидно, что дело это было особенным. Речь не шла о сотруднике гестапо, как это было в случае Барби. На стадии досудебного расследования находились дела Тувье, члена французской милиции, и делегата от полиции оккупированной зоны Легэ, обвиняемого, в частности, в организации облавы Вельдив [77; 78; 79, р. 123–125]¹. Очевидно, что здесь будут судить как исполнителя приказов, так и саму политику коллаборационистского государства с вытекающими из этого проблемами континуитета и преемственности, о которых мы упоминали выше, в связи с чем возникали вопросы о деятельности многих политиков и государственных служащих, находившихся в тот момент на ответственных постах. Расследование по делу Папона шло несколько лет, в результате чего в 1987 г. было принято решение об отсутствии состава преступления и отказе в начале судебного процесса. В 1988 г. обвинение добилось начала повторного расследования [80, р. 40, 41]. В это раз на основании данных, полученных в ходе первого расследования, обвинения были выдвинуты и инициировано расследование не только против Мориса Папона, но и против его непосредственного начальника Мориса Сабатье, а также Жана Легэ [29, р. 34]. Оба они умерли в 1989 г., один в мае, другой в июле. Не исключено, что если бы не их смерть, они также предстали бы в качестве обвиняемых вместе с Папоном.

В качестве иллюстрации наличия пристрастия интересно будет отметить ситуацию с главой парижской полиции при оккупационном режиме Рене Буске. Это имя неоднократно всплывало в связи с делом Папона, когда шла речь о координации полицейских действий оккупированной и неоккупированной зон Франции во время Второй мировой войны. Его появление среди фигурантов дела было весьма ожидаемым, а после смерти Сабатье и Легэ вероятность увидеть его в качестве обвиняемого сильно повысилась. В 1991 г. против него началось досудебное расследование. Но расследование было прекращено в связи с убийством Буске 8 июня 1993 г. Интересно, что практически одновременно с этим появились многочисленные публикации в прессе, а после – и в исследованиях, связывающие Буске и президента Франции Миттерана. В них говорится о том, что взаимовыгодное сотрудни-

¹ Так называемая облава Вельдив – акция полиции Парижа 16 и 17 июля 1942 г., в результате которой было арестовано более 13 000 евреев, треть которых составляли дети. Все они были депортированы. Из них выжило около сотни человек.

чество Миттерана и начальника парижской полиции при немецкой оккупации началось еще со времен Второй мировой войны [81, р. 145–148, 163–167; 82; 83]. Степени и характер их отношений вызывали споры [84, 85], однако убийство Буске дало повод к разговорам о том, что в процессе расследования и поиска источников могли бы открыться факты, которые, возможно, оказались бы пагубными для политической карьеры президента. Итак, весьма вероятно, что обнаружение документов за подписью Папона было сделано с согласия Миттерана, ведь он баллотировался в президенты Франции в 1981 г. Несомненно, он извлек выгоду от эффекта, оказанного статьей Бримо в «Окованной утке». Однако никаких доказательств непосредственного давления на судей со стороны властей во время расследования по делу Папона нет, хотя, как мы видим, были предположения о незаинтересованности президента страны в открытии этого судебного процесса, правда также без прямых на то доказательств. Несомненно, можно говорить о предвзятости обвинителей, которые считали Папона соучастником организации гибели их родных и пытались доказать это официально через своих адвокатов, но также можно говорить и о предвзятости любого другого обвинения в неважно каком суде. А вот закрытие расследования, сложности, с которыми принимались гражданские жалобы у адвокатов обвинителей, медленность досудебных мероприятий и напряженная обстановка самого процесса и его обсуждения как раз еще раз подтверждают сложность этого дела для французского общества и юриспруденции.

С юридической точки зрения дело Папона зависело от непростых отношений международной юстиции с французским «домашним» правом. Понятие преступлений против человечества, в совершении которых обвинялся подсудимый, впервые вошло во французское законодательство в 1964 г., основанием чему послужило соглашение, подписанное Францией в ходе Лондонской конференции в августе 1945 г. Определение таких преступлений в лондонском соглашении было взято из документов Нюрнбергского трибунала, однако согласно тексту соглашения таковыми считались только преступления, совершенные странами Оси [74]. Первым делом, которое во Франции собирались возбудить на основании этого закона, было дело Тувье. Однако, поскольку Франция не являлась страной Оси, применить это закон оказалось невозможно. После двух отказов начать следственные действия в отношении Тувье дело было направлено на рассмотрение в Министерство иностранных дел (МИД), рекомендации от которого ждал Кассационный суд – высшая уголовная инстанция Франции. Только с обнаружением Клауса Барби и с перспективой суда над ним во Франции МИД вынес решение о том, что, по его мнению, самым главным параметром для применения законодательства в отношении преступлений против человечества во Франции должно стать отсутствие срока давности по ним, а Кассационный суд принял соответствующие поправки в 1974 г. [86, р. 133–135]. Эти и дальнейшие изменения использовались в качестве аргументов для критики процесса Папона со стороны некоторых исследователей, а также рядом СМИ, например изданием Национального фронта “National Hebdo”, которые настаивали на непосредственном и абсолютном влиянии на данные изменения суда над Папоном, а также разбирательств над Барби и Тувье [40, 68]. Существует также объяснение, которое указывает на разную природу международного законодатель-

ства с сильным влиянием прецедентного права и законодательства французского, основанного на кодексе и конкретных формулировках. Согласно этому подходу, для французского права было недостаточно одной конвенции, чтобы интерпретировать ее согласно нормам собственной юридической практики. Необходимы были конкретные, документально оформленные решения международных органов власти. Поэтому на изменения определений преступлений против человечества влияли как процессы над Барби, Тувье и Папоном, так и эволюция в этой области международного права. Так, изменения в определение вносились в 1985, 1994, 1997, 2004 и 2010 г. [87].

На момент начала второго этапа досудебного расследования по делу Папона в 1988 г. ему грозило быть обвиненным в преступлениях против человечества по версии изменений 1985 г., по которым данные действия распространялись и на членов Сопротивления в том случае, если обвиняемый исполнял политику идеологического господства государства [32, р. 17]. Оправдательная стратегия Папона строилась на факте его участия в Сопротивлении, на подложности подписанных им документов, на которые опиралось обвинение, а также на утверждении, что он не знал, какая судьба ожидала депортируемых евреев. По его просьбе несколько известных членов сопротивления составили так называемое «жюри чести», которое вынесло свой «вердикт». В этом документе члены «жюри» выразили несогласие с возбуждением против Папона уголовного дела, отметив, однако, что, конечно, он должен был уволиться со своего поста и не работать на этой должности при режиме Виши [29, 80]. Сама его принадлежность к Сопротивлению также вызывала вопросы. К началу непосредственно суда были установлены факты периодических контактов и оказания определенной помощи в 1943 и 1944 г., за неделю до освобождения Бордо. Также на основании имеющихся фактов судьи приняли к сведению, что он периодически помогал конкретным людям, в том числе и евреям, тогда, когда он был уверен в том, что это не повлечет никаких негативных последствий для его карьеры. Однако доказательств его деятельности на благо Сопротивления с 1940 г., как он утверждал, найдено не было [29, р. 40, 56, 57; 88, р. 164; 89, р. 84, 85; 90, р. 744, 745]. Также экспертизой была доказана подлинность предоставленных документов. Суд не принял утверждение о том, что Папон не был информирован о конечной участи депортируемых евреев. Как чиновник, занимавший достаточно значимый пост, имевший доступ к средствам массовой информации, в том числе и на немецком языке, Папон, по мнению суда, не мог не знать о намерениях нацистской Германии по отношению к евреям. Среди документов от оккупационных властей, поступавших в префектуру Жиронды, был запрос на рапорт об «уничтожении евреев». Сам Папон в 30-х гг. присутствовал на политических обсуждениях программы национал-социалистов. Эти и другие факты косвенно свидетельствовали о том, что Папон мог не знать конкретного способа, каким немцы хотели уничтожить вывезенных из Франции евреев, но он осознавал тот факт, что, оказавшись во власти Рейха, эти люди должны были погибнуть [86, р. 142, 167; 88, р. 166, 167; 91].

Недостаточность определения преступлений против человечества по версии 1985 г. проявилась в том, что в 1992 г. сотрудник лионского гестапо Тувье был отпущен Кассационным судом на свободу, а его дело прекращено в связи с несоответствием обвинения тексту закона на том основании, что

Тувье не исполнял политику идеологического господства государства. Только спустя несколько месяцев и после того, как генеральный прокурор подал апелляцию, основываясь на ст. 6 Устава Нюрнбергского трибунала (Тувье состоял в организации, признанной преступной), дело было возобновлено [26, р. 193]. После его осуждения статья о преступлениях против человечества вошла в 1994 г. в Уголовный кодекс Франции (ст. 211-1, 212-1). Изменения в определении от января 1997 г. сняли уточнение об исполнении идеологического господства государства.

Соответственно, судьи и обвинение получили возможность официально рассматривать дело Мориса Папона как исполнителя и как лицо, проявлявшее личную инициативу. Это было законодательным оформлением практики, применявшейся еще к Тувье, когда суд искал доказательства его антисemitским взглядам и, следовательно, одобрения политики Рейха по отношению к евреям [86, р. 140]¹. В связи с этим базу обвинения Папона попытались расширить и рассмотреть его деятельность не только как префекта Жиронды при оккупации, но и как префекта Константины в Алжире и Париже [4, р. 103; 29, р. 148]. Это была попытка поставить перед судом вопрос о действиях французской администрации во время алжирской войны, а также о человеческих жертвах при подавлении парижской антивоенной демонстрации алжирцев, но она явилась одной из слабых сторон процесса, организационная часть которого также подвергалась критике. Сильно критиковалась практика привлечения обвинением и защитой на суд историков в качестве экспертов, способных сориентировать суд по поводу исторического контекста того времени, к которому относятся преступления, в которых обвиняли Папона. Очевидцы, на которых опиралось обвинение, тоже являлись специфическими участниками процесса. На суде были заслушаны показания 140 свидетелей, приглашенных адвокатами истцов и ответчика. Согласовать все их действия оказалось сложно даже для обвинения. Иногда во время заседаний происходили несостыковки, которые не шли на пользу гражданским обвинителям, бросая тень на их образ в глазах судей.

Вердикт и итоги процесса над Папоном также не всеми были восприняты одинаково. При досудебном расследовании обвинители пытались добиться того, чтобы было вынесено решение о причастности Папона к гибели 1560 человек. Судом была принята цифра 1484 человека, в отношении которых был установлен факт депортации. При этом суд начал рассмотрения вопроса о соучастии Папона в арестах и отправке в конвоях 72 человек [3]. 2 апреля 1998 г. Папона приговорили к 10 годам тюремного заключения за незаконные арест и задержание людей, приведшие к их депортации и гибели [35, р. 41]. К тому же ему присудили выплату расходов обвинителей на адвокатов и возмещение морального ущерба.

Многие оценили такое решение и результаты всего процесса как недостаточные. Так, судья и автор многих монографий по юриспруденции и экономике Жан де Майар писал о скорее негативном характере итогов этого суда, поскольку оно не внесло никакой лепты в понимание мотивации нацис-

¹ На суде был представлен спрятанный Тувье дневник от 1985 г. с многочисленными антисemitскими высказываниями. Это противоречило его уверениям на суде о своих симпатиях к евреям.

тов, осуществлявших политику уничтожения, а также подпитывает недоверие общества к государству в целом [92]. Высказывались сомнения по поводу несоответствия тяжести обвинения и полученного наказания. Серж Кларсфельд неоднократно заявлял, что конечной целью обвинителей было добиться для Папона пожизненного срока [80, р. 56]. Десять лет было воспринято многими как демонстрация изначальной несостоятельности дела [68, р. 78]. Также можно было говорить о том, что по разным причинам и, во многом, благодаря хорошо построенной защите Папона сам процесс, видимо, пошел не совсем так, как того ожидало обвинение и сочувствующая ему часть общественности. Так, несмотря на уже упомянутую для суда очевидность, так и не удалось доказать тот факт, что Папон знал о том, что отправляет депортируемых евреев на смерть. Поэтому обвинялся он в незаконных арестах и депортациях, но не собственно в убийствах этих людей. Адвокат Папона Жан-Марк Варо был убедителен, указывая на отдельные слабые места в организации суда и линии защиты, говоря об особенностях государственной службы, которая, по сути, оказалась заложницей смены государственных режимов, и настаивая на невозможности доказать личную симпатию Папона к политике нацистской Германии в отношении евреев [18, р. 159, 296, 321, 322].

Позитивная роль процесса Папона виделась в том, что впервые в истории Франции был поставлен вопрос о коллаборационизме «белых воротничков», не совершавших преступления непосредственно своими руками, но действиями способствовавшие тому, что они происходили. Разбирать такие дела и принимать по ним решения было крайне сложно. Так, например, заседание обвинительной палаты Бордо проводило в 1996 г. совещание о возможности начать судебный процесс по делу Папона при закрытых дверях, не пуская не только журналистов, но и адвокатов [29, р. 142.]. Несмотря на это, посредством этого процесса была вынесена негативная оценка определенной части политики государства Виши, была вынесена на обсуждение проблема наследия коллаборационистского режима в современной политике страны. В связи с этим 12 апреля 2002 г. Государственный совет принял постановление, согласно которому «злоупотребление Морисом Папоном служебными обязанностями, а преступления против человечества – это, в том числе, злоупотребление обязанностями, – возлагают часть ответственности за преступления на государство», в результате чего французское государство взяло на себя выплату части штрафа, присужденного Морису Папону [53, р. 393]. Также на примере этого процесса была показана разница между служащими, которые при оккупационном режиме действительно остались работать в системе государственных учреждений, не являясь при этом частью преступной политики новых властей, и теми, кто пытался извлечь из нового режима различного рода карьерные дивиденды, не задумываясь о средствах [86, р. 147]. Последнее обстоятельство было дополнено в октябре 2004 г. решением лишить Папона ордена Почетного легиона с присуждением ему штрафа за незаконное ношение этой награды.

Резонанс, вызванный этим процессом, сильно повлиял на позицию и риторику властей по поводу вопросов, связанных с исторической памятью. Так, например, во время мероприятий по случаю годовщины облавы на евреев Вельдив в 1995 г. президент Франции Жак Ширак произнес речь, в кото-

рой называл эти события французским преступлением, продемонстрировав этим позицию, совершенно отличную от позиции своего предшественника [93]. Можно сказать, что на сегодняшний момент официальные лица государства с той или иной степенью умеренности, но придерживаются этой тенденции не замалчивать вопросы, связанные с проблемой коллаборационизма французского государства во время Второй мировой войны. Так, в сентябре 2018 г. президент Эммануэль Макрон принес извинения вдове убитого во время войны в Алжире Мориса Одена со следующей формулировкой: «Это убийство стало возможным благодаря узаконенной системе арестов и задержаний с особыми полномочиями, которые получили во время Алжирской войны вооруженные силы Франции» [94]. Так власть пытается заметить потенциальные общественные конфликты и принять меры по их предупреждению.

Дело Папона, а также решение о разделении ответственности за депортации евреев государством имели правовые последствия. Так, против государственной железнодорожной компании SNCF и против государства в административном трибунале Тулузы в 2006 г. было вынесено решение, обязывающее выплатить репарации семьям депортированных евреев [95, 69]. Подобным образом в 2014 г. репарации жертвам Холокоста, депортированным из Франции во время Второй мировой войны, стали обязательным условием для получения разрешения расширить частные филиалы этой компании в США [97, 98].

Вне зависимости от оценок, которые можно давать процессу над Морисом Папоном и его последствиям, Франция продемонстрировала способность интегрировать международное право в свою правовую традицию, несмотря на связанные с этим сложности и противоречия. Также, наблюдая за реакцией власти на связанные с этим делом события, мы видим, что французские власти выбрали стратегию смягчения общественных противоречий в стране. И, несмотря на то, что действия правительства в этом направлении можно и нужно подвергать критике, несмотря на противоречие осуществляемых властью шагов, нельзя не отметить, что такой вариант является гораздо более конструктивным, чем эскалация внутренних конфликтов.

Библиографический список

1. **Bargeton, R.** Dictionnaire biographique des préfets, septembre 1870 – mai 1980 / R. Bargeton. – Paris : Archives Nationales, 1994.
2. **Conan, É.** Le Procès Papon: un journal d'audience / É. Conan. – Paris : Gallimard, 1998.
3. Procès Papon: les archives // Sud Ouest. – URL: <http://papon.sudouest.com/index.php?page=procedures&type=chambre&cat=con1> (дата обращения: 19.01.2018).
4. **Wood, N.** The Papon trial in an “Era of Testimony” / N. Wood // The Papon affaire: Memory and justice on trial. – London, 2000. – P. 96–114.
5. **Slitinsky, M.** L'affaire Papon / M. Slitinsky ; pref. G. Perrault. – Paris, 1983.
6. **Slitinsky, M.** Le Pouvoir préfectoral lavaliste à Bordeaux: stratégie de la déportation au pays des Droits de l'homme / M. Slitinsky. – Bordeaux, 1988.
7. Convois d'enfants: Bordeaux Auschwitz: dossier 42–44. – Bordeaux : l'Association des familles et amis des victimes de l'administration de Vichy : l'Association des fils et filles de déportés d'Auschwitz, 1986.
8. **Slitinsky, M.** L’Affaire Papon repart / M. Slitinsky, S. Klarsfeld, L. Genevois. – Bordeaux, 1987.

9. La Déportation des juifs de Bordeaux: 1942–1944 / Association les Filles des déportés juifs de France. – Paris, 1988.
10. La Déportation des juifs de Bordeaux: 1942–1944. – Paris, 1988.
11. **Boulanger, G.** Maurice Papon: un technocrate français dans la collaboration / G. Boulanger. – Paris, 1994.
12. **Klarsfeld, A.** Papon, un verdict français / A. Klarsfeld. – Paris, 1998.
13. **Papon, M.** Les Chevaux du pouvoir: le préfet de police du général de Gaulle ouvre ses dossiers, 1958–1967 / M. Papon. – Paris, 1988.
14. **Beaufort, H. de.** Affaire Papon, la contre-enquête / H. de Beaufort. – Paris, 1999.
15. **Klarsfeld, A.** La Cour, les nains et le bouffon / A. Klarsfeld. – Paris, 1998.
16. **Schneidermann, D.** L'étrange procès / D. Schneidermann. – Paris : Fayard, 1998.
17. **Violet, B.** Le dossier Papon / B. Violet. – Paris, 1997.
18. **Varaut, J. M.** Plaidoirie de Jean-Marc Varaut, devant la cour d'assises de la Gironde: au procès de Maurice Papon, fonctionnaire sous l'occupation / J. M. Varaut. – Paris, 1998.
19. **Dumas, R.** Dans l'oeil du Minotaure / R. Dumas. – Paris, 2013.
20. **Marrus, M.** Vichy France and the Jews / M. Marrus, R. Paxton. – Stanford, 1995.
21. **Cohen-Colin, M.** Mon père Joseph Cohen, Grand rabbin de Bordeaux de 1920 à 1975: précisions et preuves apportées lors de ma déposition au procès Papon / M. Cohen-Colin. – Paris, 1998.
22. **Gerz, G.** Les témoins / G. Gerz. – Arles, 1998.
23. **Benzazon, J.** L'ombre du passé / J. Benzazon. – Paris, 1998.
24. **Azéma, J.-P.** Papon, un fonctionnaire comme un autre? / J.-P. Azéma // Les collabos. – Paris, 2011. – P. 193–196.
25. **Boulanger, G.** Papon: un intrus dans la République / G. Boulanger. – Paris, 1997.
26. **Conan, É.** Vichy, un passé qui ne passe pas / É. Conan, H. Rousso. – Paris, 1994.
27. **Guicheteau, G.** Papon Maurice ou La continuité de l'État / G. Guicheteau. – Paris, 1998.
28. **Klarsfeld, S.** Vichy-Auschwitz / S. Klarsfeld. – Paris, 1985.
29. **Boulanger, G.** Les secrets du procès Papon: souvenirs sur l'affaire / G. Boulanger. – Paris, 2018.
30. **Cohen-Grillet, Ph.** Maurice Papon: de la Collaboration aux Assises / Ph. Cohen-Grillet. – Latresne, 1997.
31. **Gandini, J.-J.** Le procès Papon: histoire d'une ignominie ordinaire au service de l'État / J.-J. Gandini. – Paris, 1999.
32. The Papon affair: memory and justice on trial / ed. by Richard J. Golsan ; transl. by Lucy B. Golsan, Richard J. Golsan. – New York, 2000.
33. **Bergès, M.** La vérité n'intéressait personne: entretiens avec Michel Bergès sur un procès contre la mémoire / M. Bergès, M. Papon. – Paris, 1999.
34. **Chalandon, S.** Crimes contre l'humanité: Barbie, Touvier, Bousquet, Papon / S. Chalandon, P. Nivellet. – Paris, 1998.
35. **Fournet, C.** Genocide and crimes against humanity / C. Fournet. – Oxford ; Portland : Hart Publishing, 2013.
36. **Smith, K. E.** Genocide and the Europeans / K. E. Smith. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010.
37. **Wood, N.** Vectors of Memory: Legacies of Trauma in Postwar Europe / N. Wood. – Oxford, 1999.
38. **Riss, J.** Un fonctionnaire de Vichy u service de la Shoah / Riss. – Paris, 2017.
39. **Бурлаков, А. Н.** Дело Папона как зеркало французских политических нравов / А. Н. Бурлаков // CLIO-SCIENCE: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза. – Москва, 2016. – С. 157–186.
40. **Бурлаков, А. Н.** Дело Папона как зеркало французских политических нравов / А. Н. Бурлаков // CLIO-SCIENCE: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза. – Москва, 2017. – С. 152–191.

41. **Duquesne, J.** Les catholiques français sous l'Occupation / J. Duquesne. – Paris, 1966.
42. **Каинская, Г. Н.** Две войны в зеркале французской истории / Г. Н. Каинская // Люди и тексты : историч. альманах. – Москва, 2014. – С. 366–399.
43. **Куракин, П. А.** Министерство внутренних дел Франции в политических кризисах Пятой Республики (1962–1968) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Куракин П. А. – Москва, 2011.
44. **Нелаева, Г. А.** Рассмотрение «преступлений против человечности» национальными судами: проблемы, дискуссии, противоречия / Г. А. Нелаева // Международное правосудие. – 2017. – № 1. – С. 122–133.
45. **Gaulle, Ch. de.** Mémoires de guerre / Ch. de Gaulle. – Paris, 1963.
46. **Lacouture, J.** Charles de Gaulle : in 3 vol. Vol. I. Le rebelle 1890–1944 / J. Lacouture. – Paris, 1984.
47. **Aron, R.** Histoire de Vichy, 1940–1944 / R. Aron. – Paris, 1954.
48. **Sternhell, Z.** Morphology of fascism in France / Z. Sternhell // France in the era of fascism: Essays of the French Authoritarian Right. – New York ; Oxford, 2005.
49. **Siegfrid, A.** De la IVe à la Ve République / A. Siegfrid. – Paris, 1958.
50. **Vergez-Chaignon, B.** Entre 1940–1944 Vichy a protégé la France / B. Vergez-Chaignon // Les mythes de la Seconde guerre mondiale. – Paris, 2017. – P. 29–43.
51. **Cotillon, J.** Ce qu'il reste de Vichy / J. Cotillon. – Paris, 2003.
52. **Laborie, P.** Entre histoire et mémoire, un episode de l'épuration eb Ariège: le tribunal du peuple de Pamier, 18–31 août 1994 / P. Laborie // Pays pyrénéens et pouvoir centraux. – Foix, 1993.
53. **Rouquet, F.** Une epuration ordinaire (1944–1949): Patit et grands collaborateurs de l'administration française / F. Rouquet. – Paris, 2011.
54. **Paxton, R. O.** Parades and politics at Vichy: the French Officer corps under Marshall Pétain / R. O. Paxton. – Princeton, 1966.
55. **Paxton, R. O.** Vichy France, old guard and new order 1940–1944 / R. O. Paxton. – New York, 1972.
56. **Paxton, R. O.** Le fascisme en action / R. O. Paxton. – Paris, 2004.
57. **Гамза, І. А.** Історіографія французького фашизму: академічний захист національного міфу / І. А. Гамза // Наукові записки. – Київ, 2009. – Т. 95. – С. 14–18.
58. **Трубникова, Н. В.** История и память в бесконечном диалоге: дискуссии французских историков / Н. В. Трубникова. – URL: www.culturalnet.ru/main/getfile/562 (дата обращения: 29.08.2018).
59. **Бурлаков, А. Н.** Французская историография о немецкой оккупации Франции (1940–1944 гг.) / А. Н. Бурлаков // CLIO-SCIENCE: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза. – Москва, 2012. – С. 288–304.
60. **Bernay, S.** L'Église de France face à la persécution des Juifs 1940–1944 / S. Bernay. – Paris, 2012.
61. La justice condamne l'Etat et la SNCF pour leur rôle dans la déportation des juifs // Le Monde. – 2006. – 6 juin.
62. **Beaufort, H. de.** Livre Blanc de M Hubert de Beaufort / H. de Beaufort. – URL: <http://www.maurice-papon.net/> (дата обращения: 10.08.2018).
63. La France va verser 60 millions de dollars aux victimes américaines de la Shoah // Le Figaro. – 2014. – 5 décembre.
64. **Bancaud, A.** Une exeption ordinaire. La magistrature en France (1930–1950) / A. Bancaud. – Paris, 2002.
65. **Буле, В.** 1944 год и «восстановление республиканской законности»: восстановление суверенитета, наследие правительства Виши и III Республики / В. Буле // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2015. – № 1 (6). – С. 109–118.

66. **Bracher, N.** The trial of Papon and the tribulation of Gaullisme / N. Bracher // The Papon affaire: Memory and justice on trial. – London, 2000. – P. 115–129.
67. **Sorman, G.** La droite doit se débarrasser du gaullisme / G. Sorman // Libération. – 1999. – 11 juillet.
68. **Flood, C.** Extreme right-wing. Perspective on the Touvier and Papon trials / C. Flood // The Papon affaire: Memory and justice on trial. – London, 2000. – P. 73–96.
69. **Feldman, Sh.** The Juridical Unconscious: Trials and Traumas in the Twentieth Century / Sh. Feldman. – Cambridge, 2002.
70. **Néron, J.** La Justice et l'histoire face aux procès pour crimes contre l'humanité: entre la mémoire collective et la procédure. Mémoire de la maîtrise de droit / J. Néron. – Montréal, 2000.
71. **Bouton, Ch.** Le devoir de mémoire comme responsabilité envers le passé / Ch. Bouton // Devoir de mémoire? Les lois mémorielles et l'Histoire. – Paris, 2014. – P. 53–72.
72. **Poirot-Delpech, B.** Papon: Un crime de bureau / B. Poirot-Delpech. – Paris, 1998.
73. **Wieviorka, A.** L'Ère du témoin / A. Wieviorka. – Paris, 1998.
74. **Wieviorka, A.** Le Procès de Nuremberg / A. Wieviorka. – Paris, 2006.
75. **Laske, K.** Le vrai Canard / K. Laske, L. Valdiguié. – Paris, 2008.
76. **Conan, É.** Les français et Vichy / É. Conan // L'Express. – 1997. – 2 octobre.
77. **Berlière, J.-M.** Les Policiers français sous l'Occupation: d'après les archives inédites de l'épuration / J.-M. Berlière. – Paris, 2001.
78. **Broche, F.** Vél d'hiver 16 juillet 1942 – Où était la France? / F. Broche. – Paris, 2018.
79. **Bruttman, T.** Les 100 mots de la Shoah / T. Bruttman, Ch. Tarricone. – Paris, 2016.
80. Chronique de l'affaire de Papon. – Paris, 2002.
81. **Roussel, É.** François Mitterand: de l'intime au politique / É. Roussel. – Paris, 2015.
82. **Thiersky, R.** François Mitterand: A very French President / R. Thiersky. – Lanham, 2003.
83. **Hamel, I.** François Mitterand fidèle à ses “collabos” / I. Hamel // Le Point. – 2016. – 9 octobre.
84. **Dely, R.** Quand Mitterand parlait du “lobby juif” / R. Dely // Libération. – 1999. – 27 août.
85. **Badinter, R.** François Mitterand n'entretenait pas de relations avec Bousquet à Vichy / R. Badinter // Le Monde. – 2011. – 5 mai.
86. **Sadat, L. N.** The Legal Legacy of Maurice Papon / L. N. Sadat // The Papon affaire: Memory and justice on trial. – London, 2000. – P. 131–160.
87. **Roulot, J.-F.** Le crime contre l'humanité devant les juridictions répressives françaises: un exemple du fractionnement du droit international pénal / J.-F. Roulot // Revue française de criminologie et de droit pénal. – 2015. – № 4. – P. 41–70.
88. **Boyce, R.** The trial of Maurice Papon for crimes against humanity and the concept of bureaucratic crime / R. Boyce // The trial in history, 1700–2000. – Manchester, 2000. – P. 157–178.
89. **Valode, Ph.** Le destin des hommes de Pétain: De 1945 à nos jours / Ph. Valode. – Paris, 2014.
90. **Vergez-Chaignon, B.** Les vichysto-résistants: De 1940 à nos jours / B. Vergez-Chaignon. – Paris, 2008.
91. **Paxton, R. O.** Le régime de Vichy a protégé les Juifs français en sacrifiant les Juifs étranger / R. O. Paxton // Les mythes de la Seconde guerre mondiale. – Paris : Parrin, 2017. – P. 107–126.
92. **Maillard, J. de.** À quoi sert le procès Papon? Le Debat / J. de Maillard. – 1998. – № 101. – P. 32–42.

93. **Guerrier, S.** Le discours de Jaques Chirac au Vel d'hiv en 1995 / S. Guerrier // Le Figaro. – 2014. – 31 mars.
94. **Верньо́л, М.** Президент Макрон просит прощения у вдовы коммуниста / М. Верньо́л // Общество друзей Юманите. – URL: <http://humanite-russie.ru/politic/990-president-makron-proshchenye.html> (дата обращения: 29.10.2018).
95. **Löytömäki, S.** The Question of Collective Responsibility of France for Crimes committed under Vichy / S. Löytömäki // The Finnish Yearbook of International Law, 2009. – 2011. – № 20. – P. 83–110.
96. La justice condamne l'Etat et la SNCF pour leur rôle dans la déportation des juifs // Le Monde. – 2006. – 6 juin.
97. Pour le rôle de la SNCF dans la Shoah, Paris va verser 100 000 euros à chaque déporté américain // Le Monde. – 2014. – 5 décembre.
98. La France va verser 60 millions de dollars aux victimes américaines de la Shoah // Le Figaro. – 2014. – 5 décembre.

References

1. Bargeton R. *Dictionnaire biographique des préfets, septembre 1870 – mai 1980* [Biographical Dictionary of Prefects, September 1870 – May 1980]. Paris: Archives Nationales, 1994.
2. Conan É. *Le Procès Papon: un journal d'audience* [The Papon Trial: An Audience Journal]. Paris: Gallimard, 1998.
3. *Sud Ouest* [South West]. Available at: <http://papon.sudouest.com/index.php?page=procedures&type=chambre&cat=con1> (accessed Jan. 19, 2018).
4. Wood N. *The Papon affaire: Memory and justice on trial*. London, 2000, pp. 96–114.
5. Slitinsky M. *L'affaire Papon* [The Papon affair]. Paris, 1983.
6. Slitinsky M. *Le Pouvoir préfectoral lavaliste à Bordeaux: stratégie de la déportation au pays des Droits de l'homme* [Guarantor prefectural authority in Bordeaux: strategy of deportation in the country of human rights]. Bordeaux, 1988.
7. *Convois d'enfants: Bordeaux Auschwitz: dossier 42–44* [Convoys of children: Bordeaux Auschwitz: file 42–44]. Bordeaux: l'Association des familles et amis des victimes de l'administration de Vichy: l'Association des fils et filles de déportés d'Auschwitz, 1986.
8. Slitinsky M., Klarsfeld S., Genevois L. *L'Affaire Papon repart* [The Papon case restart]. Bordeaux, 1987.
9. *La Déportation des juifs de Bordeaux: 1942–1944. Association les Filsfilles des déportés juifs de France* [The Deportation of Jews of Bordeaux: 1942–1944. The association of the Sons of the Jewish Deportees of France]. Paris, 1988.
10. *La Déportation des juifs de Bordeaux: 1942–1944* [The Deportation of Jews of Bordeaux: 1942–1944]. Paris, 1988.
11. Boulanger G. *Maurice Papon: un technocrate français dans la collaboration* [Maurice Papon: a French technocrat in collaboration]. Paris, 1994.
12. Klarsfeld A. *Papon, un verdict français* [Papon, a French verdict]. Paris, 1998.
13. Papon M. *Les Chevaux du pouvoir: le préfet de police du général de Gaulle ouvre ses dossiers, 1958–1967* [Horses of power: General de Gaulle's police chief opens his files, 1958–1967]. Paris, 1988.
14. Beaufort H. de. *Affaire Papon, la contre-enquête* [Papon case, the counter-investigation]. Paris, 1999.
15. Klarsfeld A. *La Cour, les nains et le bouffon* [The court, the dwarves and the jester]. Paris, 1998.
16. Schneidermann D. *L'étrange procès* [The strange trial]. Paris: Fayard, 1998.
17. Violet B. *Le dossier Papon* [The Papon file]. Paris, 1997.
18. Varaut J. M. *Plaidoirie de Jean-Marc Varaut, devant la cour d'assises de la Gironde: au procès de Maurice Papon, fonctionnaire sous l'occupation* [Jean-Marc Varaut's case

- before the Assize Court of the Gironde: at the trial of Maurice Papon, an official under occupation]. Paris, 1998.
19. Dumas R. *Dans l'oeil du Minotaure* [In the eye of the Minotaur]. Paris, 2013.
 20. Marrus M., Paxton R. *Vichy France and the Jews*. Stanford, 1995.
 21. Cohen-Colin M. *Mon père Joseph Cohen, Grand rabbin de Bordeaux de 1920 à 1975: précisions et preuves apportées lors de ma déposition au procès Papon* [My father Joseph Cohen, Chief Rabbi of Bordeaux from 1920 to 1975: details and evidence provided during my testimony at the Papon trial]. Paris, 1998.
 22. Gerz G. *Les témoins* [Witnesses]. Arles, 1998.
 23. Benzazon J. *L'ombre du passé* [The shadow of the past]. Paris, 1998.
 24. Azéma J.-P. *Les collabos* [Collabos]. Paris, 2011, pp. 193–196.
 25. Boulanger G. *Papon: un intrus dans la République* [Papon: an intruder in the Republic]. Paris, 1997.
 26. Conan É., Rousso H. *Vichy, un passé qui ne passe pas* [Vichy, a past that does not pass]. Paris, 1994.
 27. Guicheteau G. *Papon Maurice ou La continuité de l'État* [Papon Maurice or the continuity of the State]. Paris, 1998.
 28. Klarsfeld S. *Vichy-Auschwitz* [Vichy-Auschwitz]. Paris, 1985.
 29. Boulanger G. *Les secrets du procès Papon: souvenirs sur l'affaire* [The secrets of the Papon trial: memories of the case]. Paris, 2018.
 30. Cohen-Grillet Ph. *Maurice Papon: de la Collaboration aux Assises* [Maurice Papon: from Collaboration to Assises]. Latresne, 1997.
 31. Gandini J.-J. *Le procès Papon: histoire d'une ignominie ordinaire au service de l'État* [The Papon trial: a story of ordinary ignominy at the service of the State]. Paris, 1999.
 32. *The Papon affair: memory and justice on trial*. Ed. by Richard J. Golsan; transl. by Lucy B. Golsan, Richard J. Golsan. New York, 2000.
 33. Bergès M., Papon M. *La vérité n'intéressait personne: entretiens avec Michel Bergès sur un procès contre la mémoire* [The truth did not interest anyone: interviews with Michel Bergès on a lawsuit against the memory]. Paris, 1999.
 34. Chalandon S., Nivellet P. *Crimes contre l'humanité: Barbie, Touvier, Bousquet, Papon* [Crimes Against Humanity: Barbie, Touvier, Bousquet, Papon]. Paris, 1998.
 35. Fournet C. *Genocide and crimes against humanity*. Oxford; Portland: Hart Publishing, 2013.
 36. Smith K. E. *Genocide and the Europeans*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
 37. Wood N. *Vectors of Memory: Legacies of Trauma in Postwar Europe*. Oxford, 1999.
 38. Riss. *Un fonctionnaire de Vichy u service de la Shoah* [A Vichy official at the service of the Holocaust]. Paris, 2017.
 39. Burlakov A. N. *CLIO-SCIENCE: Problemy istorii i mezhdistiplinarnogo sinteza* [CLIO-SCIENCE: Issues of history and interdisciplinary synthesis]. Moscow, 2016, pp. 157–186. [In Russian]
 40. Burlakov A. N. *CLIO-SCIENCE: Problemy istorii i mezhdistiplinarnogo sinteza* [CLIO-SCIENCE: Issues of history and interdisciplinary synthesis]. Moscow, 2017, pp. 152–191.
 41. Duquesne J. *Les catholiques français sous l'Occupation* [French Catholics under the Occupation]. Paris, 1966.
 42. Kainskaya G. N. *Lyudi i teksty: istorich. al'manakh* [People and texts: historical almanac]. Moscow, 2014, pp. 366–399. [In Russian]
 43. Kurakin P. A. *Ministerstvo vnutrennikh del Frantsii v politicheskikh krizisakh Pyatoy Respubliki (1962–1968): avtoref. dis. kand. ist. nauk* [The Ministry of Internal Affairs of France at political crises of the Fifth Republic (1962–1968: author's abstract of dissertation to apply for the degree of the candidate of historical sciences)]. Moscow, 2011. [In Russian]

44. Nelaeva G. A. *Mezhdunarodnoe pravosudie* [International justice]. 2017, no. 1, pp. 122–133. [In Russian]
45. Gaulle Ch. de. *Mémoires de guerre* [War memoirs]. Paris, 1963.
46. Lacouture J. *Charles de Gaulle: in 3 vol. Vol. I. Le rebelle 1890–1944* [Charles de Gaulle: in 3 vol. Vol. 1. The Rebel 1890–1944]. Paris, 1984.
47. Aron R. *Histoire de Vichy, 1940–1944* [History of Vichy, 1940–1944]. Paris, 1954.
48. Sternhell Z. *France in the era of fascism: Essays of the French Authoritarian Right*. New York; Oxford, 2005.
49. Siegfried A. *De la IVe à la Ve République* [From the 4th to the 5th Republic]. Paris, 1958.
50. Vergez-Chaignon B. *Les mythes de la Seconde guerre mondiale* [The myths of the Second World War]. Paris, 2017, pp. 29–43.
51. Cotillon J. *Ce qu'il reste de Vichy* [What's left of Vichy]. Paris, 2003.
52. Laborie P. *Pays pyrénéens et pouvoir centraux* [Pyrenean countries and central powers]. Foix, 1993.
53. Rouquet F. *Une épuration ordinaire (1944–1949): Patit et grands collaborateurs de l'administration française* [Ordinary purification (1944–1949): Patit and great collaborators of the French administration]. Paris, 2011.
54. Paxton R. O. *Parades and politics at Vichy: the French Officer corps under Marshall Pétain*. Princeton, 1966.
55. Paxton R. O. *Vichy France, old guard and new order 1940–1944*. New York, 1972.
56. Paxton R. O. *Le fascisme en action* [Fascism in action]. Paris, 2004.
57. Gamza I. A. *Naukovi zapiski* [Proceedings]. Kiev, 2009, vol. 95, pp. 14–18.
58. Trubnikova N. V. *Istoriya i pamyat' v beskonechnom dialoge: diskussii frantsuzskikh istorikov* [History and memory in the neverending dialogue: discussion of French historians]. Available at: www.culturalnet.ru/main/getfile/562 (accessed Aug. 29, 2018). [In Russian]
59. Burlakov A. N. *CLIO-SCIENCE: Problemy istorii i mezhdistiplinarnogo sinteza* [CLIO-SCIENCE: Issues of history and interdisciplinary synthesis]. Moscow, 2012, pp. 288–304. [In Russian]
60. Bernay S. *L'Église de France face à la persécution des Juifs 1940–1944* [The Church of France facing persecution of Jews 1940–1944]. Paris, 2012.
61. *Le Monde* [The world]. 2006, 6 June.
62. Beaufort H. de. *Livre Blanc de M Hubert de Beaufort* [Hubert de Beaufort's White Paper]. Available at: <http://www.maurice-papon.net/> (accessed Aug. 10, 2018).
63. *Le Figaro*. 2014, 5 December.
64. Bancaud A. *Une exception ordinaire. La magistrature en France (1930–1950)* [An ordinary exception. The judiciary in France (1930–1950)]. Paris, 2002.
65. Bule V. *Zhurnal rossiyskikh i vostochnoevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy* [Journal of Russian and East-European historical research]. 2015, no. 1 (6), pp. 109–118. [In Russian]
66. Bracher N. *The Papon affaire: Memory and justice on trial*. London, 2000, pp. 115–129.
67. Sorman G. *Libération* [Liberation]. 1999, 11 July.
68. Flood C. *The Papon affaire: Memory and justice on trial*. London, 2000, pp. 73–96.
69. Feldman Sh. *The Juridical Unconscious: Trials and Traumas in the Twentieth Century*. Cambridge, 2002.
70. Néron J. *La Justice et l'histoire face aux procès pour crimes contre l'humanité: entre la mémoire collective et la procédure. Mémoire de la maîtrise de droit* [Justice and history in the face of trials for crimes against humanity: between collective memory and procedure. Memory of the Master of Laws]. Montréal, 2000.
71. Bouton Ch. *Devoir de mémoire? Les lois mémorielles et l'Histoire* [Duty of memory? Memorandum laws and History]. Paris, 2014, pp. 53–72.

72. Poirot-Delpech B. *Papon: Un crime de bureau* [Papon: A crime of office]. Paris, 1998.
73. Wieviorka A. *L'Ère du témoin* [The age of witnesses]. Paris, 1998.
74. Wieviorka A. *Le Procès de Nuremberg* [The Nuremberg Trials]. Paris, 2006.
75. Laske K., Valdiguié L. *Le vrai Canard* [The real duck]. Paris, 2008.
76. Conan É. *L'Express* [The Express]. 1997, 2 October.
77. Berlière J.-M. *Les Policiers français sous l'Occupation: d'après les archives inédites de l'épuration* [French police officers under the Occupation: from the unpublished archives of the purification]. Paris, 2001.
78. Broche F. *Vél d'hiver 16 juillet 1942 – Où était la France?* [Vél d'Hiv Roundup of July 16, 1942 – Where was France?]. Paris, 2018.
79. Bruttman T., Tarricone Ch. *Les 100 mots de la Shoah* [The 100 words of the Holocaust]. Paris, 2016.
80. *Chronique de l'affaire de Papon* [Chronicle of the Papon Affair]. Paris, 2002.
81. Roussel É. *François Mitterand: de l'intime au politique* [François Mitterand: From intimacy to politics]. Paris, 2015.
82. Thiersky R. *François Mitterand: A very French President*. Lanham, 2003.
83. Hamel I. *Le Point* [Point]. 2016, 9 October.
84. Dely R. *Libération* [Liberation]. 1999, 27 August.
85. Badinter R. *Le Monde* [The world]. 2011, 5 May.
86. Sadat L. N. *The Papon affaire: Memory and justice on trial*. London, 2000, pp. 131–160.
87. Roulot J.-F. *Revue française de criminologie et de droit penal* [French Journal of Criminology and Criminal Law]. 2015, no. 4, pp. 41–70.
88. Boyce R. *The trial in history, 1700–2000*. Manchester, 2000, pp. 157–178.
89. Valode Ph. *Le destin des hommes de Pétain: De 1945 à nos jours* [The fate of Petain's men: From 1945 to the present day]. Paris, 2014.
90. Vergez-Chaignon B. *Les vichysto-résistants: De 1940 à nos jours* [The Vichy resistance: From 1940 to the present day]. Paris, 2008.
91. Paxton R. O. *Les mythes de la Seconde guerre mondiale* [The myths of the Second World War]. Paris: Parrin, 2017, pp. 107–126.
92. Maillard J. de. *À quoi sert le procès Papon? Le Debat* [What is the purpose of the Papon trial? Debate]. 1998, no. 101, pp. 32–42.
93. Guerrier S. *Le Figaro*. 2014, 31 March.
94. Vern'ol M. *Obshchestvo druzey Yumanite* ["Humanity" friends society]. Available at: <http://humanite-russie.ru/politic/990-president-makron-proshchenye.html> (accessed Oct. 29, 2018). [In Russian]
95. Löytömäki S. *The Finnish Yearbook of International Law, 2009*. 2011, no. 20, pp. 83–110.
96. *Le Monde* [The world]. 2006, 6 June.
97. *Le Monde* [The world]. 2014, 5 December.
98. *Le Figaro*. 2014, 5 December.

Орленко Олеся Евгеньевна

руководитель международных программ,
Фонд содействия актуальным
историческим исследованиям
«Историческая память» (Россия,
г. Москва, ул. Волхонка, 5/6, стр. 9)

E-mail: alice.orlenko@gmail.com

Orlenko Olesya Evgen'evna

International programs manager, "Historical
memory" foundation for actual historical
researches (building 9, 5/6 Volkhonka
street, Moscow, Russia)

Образец цитирования:

Орленко, О. Е. Проблемы коллаборационизма и международного права во Франции на примере судебного процесса над Морисом Папоном / О. Е. Орленко // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2019. – № 1 (49). – С. 45–69. – DOI 10.21685/2072-3024-2019-1-5.